

Содержание

Зачем платить налоги?	7
Годовой отчет	13
Загадка	21
Мертвая мать	27
Налог на обман	33
Налоговые преференции	39
Пошлина праведников	45
Дискредитация свидетелей	51
Справедливый налог	59
Жениться на консультанте	67
Фискальные механизмы	73
Билет	79
Очищение денег	85
Налог на завет	91

Верлиока.....	97
Экспортная пошлина.....	103
Вольные мастера.....	111
Налоги для армии.....	117
Целовальник.....	123
Свечные выплаты.....	129
Последнее задание.....	135
Налог на чудо.....	141
Налог на бессмертие.....	147
Конкуренция ведомств.....	153
Казуальное право.....	161
Свадебный налог.....	167
Непонятное слово.....	173
Замкнутый круг.....	179
Фактор волшебства.....	185
Кодовской налог.....	193

Зачем платить налоги?

Ежели верить русской народной сказке «Шемякин суд», то главная причина платить налоги — это отчаянный идиотизм бедных слоев населения. Бедный человек в русской сказке не просто дурак, он агрессивный, идеологический, патентованный и демонстративный дурак. Дурак, который своим идиотизмом бравирует и всех вокруг своим идиотизмом шантажирует. И сказка рассказывается от имени дурака. Сказитель и слушатель идентифицируют себя с бедным дураком, а не с богатым умником. Валять дурака — это их стратегия выживания, их способ заставлять богатых платить налоги.

Начинается сказка безобидно: бедный и глупый брат приходит к богатому и умному брату одолжить ненадолго лошадь, чтобы съездить в лес за дровами. Казалось бы, нехитрое дело. Младший брат просит старшего

помочь по-родственному и лошадь немедленно получает.

Однако же сама просьба сформулирована идиотским образом: младший брат берет у старшего лошадь, но не берет хомута. Не проходит и часа, как младший брат спохватывается и является к старшему просить теперь еще и хомут. Очень можно понять, что старший брат рассержен. Неужели нельзя было попросить всё одновременно? Зачем тратить столь драгоценное в крестьянском хозяйстве время на то, чтобы просить займы сначала лошадь, потом хомут, потом уздечку. Желая проучить младшего брата и приучить его к какой-то дисциплине и рациональности, старший хомута не дает — дескать, ищи хомут где хочешь.

Тут-то и начинается торжество демонстративной глупости. Вместо того, чтобы попросить хомут у другого какого-нибудь соседа, младший глупый брат привязывает дровни к хвосту братниной лошади. И разумеется, лошадь, тщась вытянуть доверху нагруженные дровни, отрывает себе хвост.

Старший брат требует компенсации. Но спорить с Дураком бессмысленно. Дурак настаивает на том, что не тот виноват в травме хвоста, кто привязывал хвост к дровням, а тот,

кто не давал хомута. Спор заходит в тупик, и братья отправляются в город на разбирательство к судье Шемяке, известному своей мудростью и склонностью к мздоимству.

По дороге братья останавливаются на ночлег у некоего крестьянина. Тот очень рад принимать у себя богатого и умного, а бедному и глупому не рад, так что не зовет Дурака даже и ужинать, а сразу отправляет спать. И зря. Забираясь на полати, Дурак падает, разумеется, да так неудачно, что попадает в самую детскую люльку и раздавливает насмерть спящего в люльке младенца. Теперь и хозяин постоялой избы отправляется вместе с братьями в город, чтобы подать на Дурака в суд.

По дороге старший брат и отец погибшего младенца жуют Дурака, да так сильно жуют, что тот решает покончить с собой и прыгает с моста. Под мостом, разумеется, в этот самый момент некий человек везет престарелого отца в баню. Дурак падает в сани и убивает своим весом старика в санях, как давеча убил младенца в люльке. Безутешный сын, стало быть, тоже едет в город подавать на Дурака в суд.

И вот все четверо стоят перед судьей Шемякой. Дурак держит в руках заранее при-

пасенный булыжник, чтобы убить Шемяку, если тот приговорит его к каторжным работам. Шемяка же думает, что Дурак держит в руке кошелек с деньгами, намекая тем самым на богатую мзду в случае оправдательного приговора.

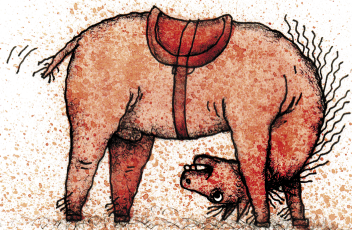
Судья постановляет следующее. Старшему брату отдать лошадь Дураку вплоть до окончательного выздоровления хвоста. Держателю постоянной избы отдать Дураку жену на срок, пока не родится у женщины новый младенец. Человеку, потерявшему отца, самому попытаться прыгнуть с моста на Дурака, который должен стоять внизу и ждать прыжка.

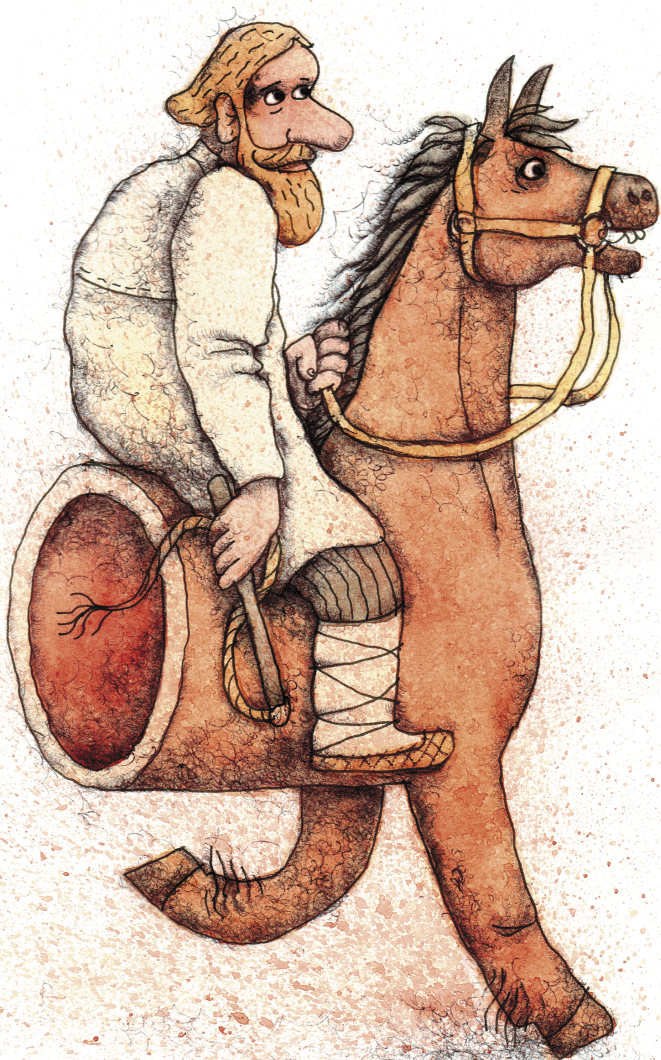
После такого приговора каждый из трех истцов прикладывает все усилия, чтобы с Дураком помириться. Старший брат отдает ему лошадь насовсем. Крестьянин уговаривает взять вместо жены корову с теленком. Безутешный сын предлагает Дураку денег, лишь бы не прыгать с моста.

А судья Шемяка отправляется к Дураку за мздой. Тут то и выясняется, что в руке у Дурака был вовсе не кошелек, а булыжник. И мудрый Шемяка радуется. Он думает: «Какое счастье, что я вынес все три решения в пользу Дурака. Избежал смерти. Это глав-

ное. А деньги как-нибудь уж заработаем. Лишь бы Дурак не дурил: сидел бы дома, не отрывал бы лошадям хвосты, не раздавливал бы младенцев и не падал бы с мостов на головы честных людей».

Годовой отчет

Русская сказка не оперирует цифрами, и это не что иное, как способ ухода от налогов. То есть, разумеется, во многих русских сказках можно встретить цифры, отображающие количество обмолоченной пшеницы или поголовье скота. Но внимательному читателю очевидно, что цифры эти условны. Более того, этих цифр всего две – «сто» и «тысяча». Если сказитель говорит «сто пудов жита» или «тысяча коров», это просто значит «очень много пшеницы» и «очень много коров». Некруглых цифр в русской сказке вы вообще не встретите. «Девяносто четыре пуда пшеницы» – это для русской сказки невозможное выражение.

То же самое справедливо и в отношении денег. Русская сказка оперирует в основном тремя денежными суммами: «рубель», «сто рублей» и «тысяча рублей». «Рубль» – это

значит «небольшие деньги», а «сто рублей» и «тысяча рублей» — это «очень большие деньги». «Сто шестьдесят семь рублей» — невозможное для русской сказки словосочетание, потому что не бывает некруглых денежных сумм.

Тем не менее существует целый жанр, который теперь мы бы назвали «годовой финансовый отчет», «декларация о доходах» или «налоговая декларация». В этих сказках мужик рассказывает барину, сколько заработал за год. И все, что мы теперь описали бы цифрами, в этих сказках описывается при помощи иносказаний и сравнений.

«Много ли хлеба уродилось?» — спрашивает барин.

«Много, — отвечает мужик. — Три дня собирали, в один сноп увязали, на печную трубу положили, да сноп и сгорел».

Между прочим, вопрос барина не праздный. Барин хочет получить с мужика оброк. Разумеется, с единственного снопа пшеницы, который к тому же и сгорел, оброка получить нельзя. Но нельзя и поверить, что у крестьянина совершенно нет сельскохозяйственных продуктов. Живут же они как-то. Едят же что-то. Даже вот праздники

устраивают, и барин был свидетелем тому, как в праздник все деревенские мужики перепились и валялись по улицам пьяные.

«Где же вы взяли вино?» — пытается барин уличить крестьянина в уклонении от уплаты налогов.

«Так то не вино, а пиво, — отвечает крестьянин. — Хлеб горелый собрали, солода на толкли, в ковшике пива сварили».

«Да велик ли ковшик?» — интересуется барин в надежде, что хоть пивом заплатят ему оброк.

«Велик, — отвечает крестьянин. — По больше ведра, поменьше наперстка».

И опять совершенно непонятно барину, сколько именно пива ему причитается, если объем произведенного продукта — больше ведра и меньше наперстка. И все же в надежде получить оброк барин спрашивает, как вышло, что целая деревня перепилась с одного ковша пива.

«Так мы каждому ковш подносили, а по затылку поленом давали, — поясняет мужик. — Вот и валялись все».

У несчастного барина, разумеется, ум начинает заходить за разум от общения с крестьянином, который хотел напоить своим пивом всю деревню, но, поскольку

пива было мало, оглоушивал односельчан поленом по голове, чтобы были похожи на пьяных. Показания налогоплательщика представляются барину совершенно абсурдными, а с абсурдного хозяйствующего субъекта не соберешь рациональных налогов.

В последней надежде получить оброк барин принимается расспрашивать крестьянина про его имущество. Может быть, хоть с имущества получить налог?

«А большой ли дом у тебя?»

«Дом большой. В один кирпичик. Сто дней обходи, а кругом не обойдешь».

«А много ли у тебя лошадей?»

«Лошадей много, барин. Шесть кошек езжалых, двенадцать котов стоялых (это тоже круглые цифры, дюжина и полдюжины), да один жеребец бойкий, кот сибирский...»

Если же не считать лошадьми котов, а считать лошадей, то тут еще абсурднее. К концу сказки барину преподносится совсем уж какой-то бред. Крестьянин рассказывает, что лошадь его увязла в болоте, а он принялся вытягивать из болота лошадь за хвост, но лошади не вытянул, а только стянул с лошади шкуру. Шкуру продал на базаре, а лошадь потом сама вылезла из болота и пришла на двор. Иными словами, если бы

крестьянин продал на базаре лошадь, то из вырученных денег должен был бы заплатить барину что-то вроде налога с продаж. Но лошади он не продавал, так что ничего барину не должен, потому что абсурдно же думать, будто лошадь может ходить без шкуры, тогда как вот же она ходит, то есть не продана...

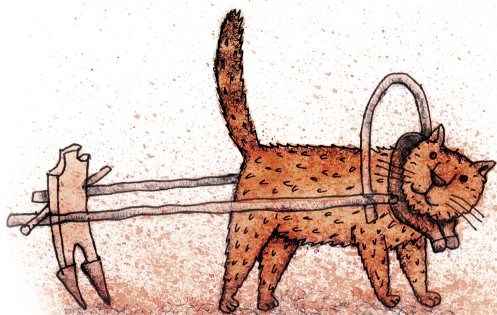
Подобного рода сказки никогда не приходят ни к какому логическому финалу. Нагромождение абсурдных описаний абсурдного хозяйства всегда просто обрывается. Обрывается, надо полагать, тогда, когда барину надоедает задавать рациональные вопросы и получать абсурдные ответы.

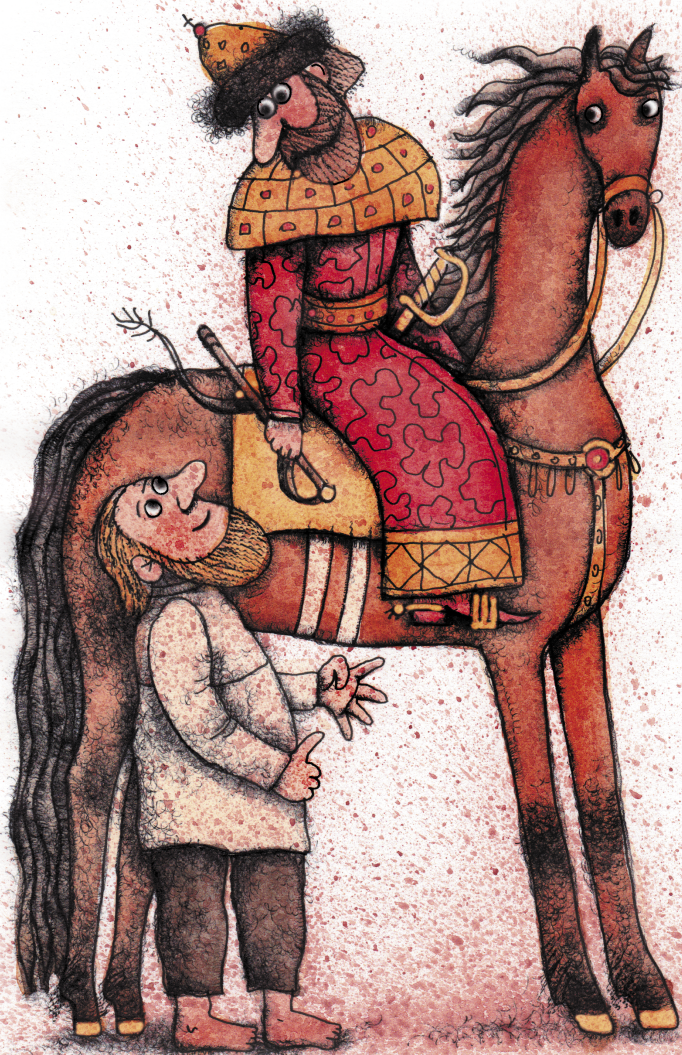
Под конец такой сказки без всяких уже вопросов крестьянин нагромождает еще несколько шизофренических подробностей своего бизнеса. Рассказывает, например, как поехал на лошади в лес по дрова, как приторочил топор к седлу, как по дороге топор разрубил лошадь напополам, как передок лошади использовался крестьянином для пахоты, а задок в то же время — для перевозки дров.

А барин уже молчит, уже отчаялся получить хоть какой-то оброк с этого сумасшедшего. Чего крестьянин и добивался.

И если вам кажется, что подобный абсурдистский метод составления налоговой отчетности характерен исключительно для русской сказки, то почитайте декларации о доходах наших депутатов и чиновников. Многие из них выглядят ничуть не менее абсурдно, чем рассказ сказочного крестьянина про автономно передвигающиеся задок и передок лошади.

Загадка

Читая русские сказки, можно с довольно большой точностью установить, сколько налогов платит сказочный персонаж – 25%. Так или иначе, прямо или иносказательно, непосредственно или опосредованно герои самых разных сказок сообщают нам, что податей платят – четверть от своих доходов. Приблизительно вдвое больше, чем мы сейчас платим подоходного налога, и приблизительно вдвое меньше, чем мы платим, если считать нашей податью не только подоходный налог, но и единый социальный.

25% – это в русской сказке фиксированная ставка. Ни о какой прогрессивной шкале, ни о каких налоговых льготах, ни о каком списании налогов или налоговой амнистии нам не удалось найти в русских сказках даже и упоминания. Оно и понятно. Логично предполагать, что сказители – люди простые, так что

сложная система налогообложения вряд ли зародилась бы у народного сказителя в голове.

Другой вопрос: кому и на какие цели идут эти двадцатипятипроцентные подати. Некоторый свет на эту проблему проливает нам сказка про царя и землепашца, загадывающего царю загадку.

История очень простая. Едет по своим делам царь, видит землепашца, обрабатывающего поле, и спрашивает, много ли поле приносит дохода.

«При хорошем урожае восемьдесят рублей», — отвечает землепашец.

«И на что же ты тратишь эти восемьдесят рублей?» — спрашивает царь.

И тут землепашец загадывает царю загадку. Отвечает царю загадкой, ибо загадка в сказке подобна валюте, она обладает особой ценностью. Если ты разгадчик загадок, это оплачивается. Если ты можешь загадать неразгадываемую загадку, это оплачивается сторицей. И землепашец говорит:

«Двадцать рублей — подать плачу. Двадцать рублей — долг отдаю. Двадцать рублей займы ссужаю. Двадцать рублей за окошко бросаю».

Царь не может разгадать загадки. Ни одна из фраз мужика государю не ясна,

кроме фразы о том, что мужик платит двадцать рублей подати царю. Царь спрашивает землепашца, что значат его странные слова. Царь просит подсказки и, следовательно, по правилам русской сказки, готов за подсказку заплатить. И мужик объясняет.

Двадцать рублей подать — это понятно. «Двадцать рублей долг отдаю» — это крестьянин кормит немощного старика-отца. «Двадцать рублей займы ссужаю» — это он кормит маленького сына. «Двадцать рублей за окошко выбрасываю» — это траты на питание маленькой дочери, которая вырастет, покинет дом, попадет в чужие люди и не обязана будет заботиться об отце.

За такие слова царь щедро вознаграждает крестьянина. Но не кажется ли вам странной арифметика землепашца? Двадцать рублей подать, двадцать рублей на отца, двадцать рублей на сына, двадцать рублей на дочь — всего восемьдесят. На какие же средства питается сам крестьянин, если все восемьдесят зарабатываемых рублей он тратит на царя, отца, сына и дочь? Очевидно, что самому землепашцу не останется никаких средств к пропитанию. Никаких, если не считать царева вознаграждения.

Получается, что землепашец кормит власть, стариков и детей, а сам живет на средства, предоставляемые ему властью в награду за мудрость и социальную ответственность. Получается, что герой русской сказки должен думать о поддержании жизни на земле, и в этом случае о поддержании жизни самого героя подумает же кто-нибудь — царь, бог, волшебный помощник или добрый колдун.

Забавная подробность этой сказки заключается в том, что, желая загадать загадку своим воеводам, царь просит землепашца никому отгадки не говорить иначе как в присутствии самого царя. И землепашец обещает хранить тайну.

Возвратившись во дворец, царь загадывает воеводам загадку землепашца, и ни один из царских военачальников не знает ответа. В этом магическая сила загадки. Она атрибут власти, она признак мудрости: царь потому царь, что знает ответ, а воеводы потому слуги, что ответа не знают.

Однако ж один из воевод отыскивает крестьянина, платит ему звонкой монетой и выведывает ответ на царскую загадку. Царь гневается, царь готов крестьянина казнить за болтливость и продажность. Но

крестьянин не соглашается: он утверждает, что открыл воеводе разгадку именно что в присутствии царя, как и договаривались, ибо портрет царя был отчеканен на каждой монете, которой платил воевода.

Вот оно, непостижимое для современного человека сказочное сознание. В русской сказке царь и деньги — это одно и то же. Царь и богатство — одно и то же. Царь и милость — одно и то же.

Тяжелым трудом мужик добывает из своего земельного надела хлеба, жизни, милости, власти (все это одно и то же) на восемьдесят рублей. Четверть добытой из земли милости мужик отдает отцу, четверть сыну, четверть дочери... А еще про четверть добытой из земли милости мужик надеется, что милость эта прольется на него, называет это податью и отдает царю.

За такую мудрость царь, разумеется, награждает мужика сторицей.

Мертвая мать

Жуткая сказка про мертвую мать — о расследованиях и проверках. Налоговые проверки и расследования стали обыденностью в наше время, а корни их идут из самых древних времен, когда герои пытались докопаться до истины, зачастую во вред себе и окружающим. Из сказки этой очевидно, что безвестные наши сказители, в отличие от нас теперешних, вовсе не считали установление истины благом. В большинстве случаев предпочитали истины не знать. Сохранение тайны считали хорошим делом, а раскрытие тайны — злом. И в корпусе русских сказок найдутся тысячи примеров, когда проверки и расследование приводят персонажа к трагической гибели, а отказ от проверок — к благоденствию.

Не надо было Ивану-царевичу узнавать, как именно жена его превращается из лягушки в женщину. Не знал бы, так и жил бы

счастливого, не пришлось бы тащиться за тридевять земель, совершать подвиги и убивать бессмертного Кощея. Не надо было злой мачехе узнавать, как именно Крошечка-Хаврошечка ухитряется каждую ночь выполнять невыполнимые мачехины задания. Не узнай мачеха о магических свойствах Хаврошечкиной коровы, так бы и продолжала всю жизнь безнаказанно эксплуатировать падчерицу, сама не погибла бы и дочек бы своих не погубила.

Глядя на теперешние наши разоблачения в прессе, сказочный мудрец дивился бы: зачем? Зачем дело Ходорковского, расследования Браудера, проверки швейцарских счетов граждан Германии? Зачем, если от расследований всем становится только хуже? Зачем, если мутные схемы работают более или менее и всех оставляют более или менее в прибыли, а многим людям позволяют работать и кормить свою семью? Зачем раскапывать правду, если неправду можно терпеть?

Мы теперешние полагаем установление истины безусловной ценностью. Персонажи русских сказок относятся к истине настороженно. А кто докапывается до правды по

случаю, по глупости или из праздного любопытства — того ждет ужасная судьба.

Вернемся же к сказке про мертвую мать. Жили-были муж и жена. Хорошо жили. Но вот однажды женщина родила ребенка и умерла родами. Вдовец был безутешен, оплакивал погибшую жену, но еще больше беспокоился о том, как же ему теперь выкормить и выходить младенца.

Как выяснилось, беспокоиться было не о чем. У нанятой вдовцом няньки хлопот не было, ей даже не приходилось пичкать малыша хлебным мякишем или коровьим молоком. Ребенок есть никогда не просил, если и плакал, то только днем, а по ночам спал спокойно. И при этом хорошо прибавлял в весе, заметно рос — одним словом, некоторым чудесным образом был здоров, счастлив и весел.

Семья, конечно, догадывалась, что здоровье и сытость малыша объясняется тем, что мертвая его мать встает из гроба и младенца кормит. Вставать мертвецам из гробов — это для русской сказки в порядке вещей. Мертвецы встают по ночам, а с первым криком петуха, если не успели спрятаться в могилу, падают замертво и лежат неподвижно до наступления ночи.

Правда, обычно мертвецы встают из гроба со злыми намерениями. Обычно эти (как бы мы теперь сказали) зомби – деревенские колдуны. Им после смерти почему-то требуется огромное количество еды. Они встают, чтобы есть: сначала портят людям застолья и праздники, сжирая все, включая ложки и скатерть. Потом начинают жрать скот. А когда и скот съеден, обращаются к людоедству.

Восстающий по ночам мертвец – это кошмар для деревни, беда. Обычно, чтобы отвести эту беду, бывает нужно провести проверку и расследование, узнать из которой именно могилы встает зомби, а потом всем миром при свете дня, когда мертвец беспомощен, могилу его разрыть, бросить гроб мертвеца в яму под старой грушей, либо забить в грудь мертвецу осиновый кол, либо сжечь мертвеца на огромном костре из осиновых дров. Обычно так.

Но в нашем случае восстающий из могилы мертвец никому не причиняет зла. Наоборот, кормит ребенка, которого кормить некому.

В этом случае по логике русской сказки проверку и расследование проводить не нужно. Не нужно выяснять, действительно ли мертвая мать встает из могилы.

Не нужно любопытствовать, что случится, если застать эту мертвую женщину за кормлением младенца. Не нужно выяснять, божьей ли силою это делается или дьявольской. Ребенок сыт? Растет и развивается нормально? Ну так и не лезьте выяснять, что, как да почему. Ибо вот что будет.

Однажды к ночи зятя и братья собираются в доме вдовца. Когда темнеет, они ложатся на пол и лежат тихо. Под большой горшок они ставят зажженную свечу, чтобы в нужный момент можно было горшок снять и мгновенно осветить комнату.

И вот после полуночи они слышат в темноте как будто бы легкие шаги. Они слышат как будто бы шуршание пеленок и поскрипывание колыбели. Они слышат, что ребенок как будто бы сосет грудь и глотает молоко. Тут-то один из зятьев и поднимает горшок. Комната освещается, и все видят мертвую мать, которая кормит младенца грудью.

Впрочем, наслаждаться знанием правды вдовец, его зятя и братья могут не больше мгновения. Мертвая женщина молча встает и выходит из комнаты. Мужчины, видевшие это, обращаются в камни. А младенца соседи на следующее утро находят в люльке мертвым.

